

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2019
XXVIII**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1777
EXPRESS-ISSUE

2019 № 1777

СОДЕРЖАНИЕ

- 2507-2513 Ещё раз о биологии размножения кавказской черноголовой славки *Sylvia atricapilla dammholzi* на Северо-Западном Кавказе. В. М. МУЗАЕВ, В. О. ДЕРТЫНОВ
- 2514-2517 Использование искусственных гнездовых птицами на Куршской косе. А. П. ШАПОВАЛ
- 2518-2524 Плоды рябины *Sorbus aucuparia* в пище дятлов Ленинградской области. А. В. БАРДИН, И. Р. ТАРАСЕНКО
- 2525-2527 Ещё одна находка гнезда травника *Tringa totanus* в Новоржевском районе Псковской области. Э. В. ГРИГОРЬЕВ
- 2527-2530 Толстоклювая камышевка *Phragmaticola aedon* во внутренних районах Буреинского нагорья. М. Ф. БИСЕРОВ, Е. А. МЕДВЕДЕВА
- 2530-2531 Массовая зимовка скворцов *Sturnus vulgaris* в Баку. А. М. АЛЕКПЕРОВ
- 2532-2535 Степной дербник *Falco columbarius pallidus* в России. С. В. КОРНЕВ, В. В. МОРОЗОВ
- 2535-2539 Белоголовый сип *Gyps fulvus* на Центральном Кавказе. В. П. БЕЛИК, В. А. ТЕЛЬПОВ, Ю. Е. КОМАРОВ, Р. Х. ПШЕГУСОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVIII
Express-issue

2019 № 1777

CONTENTS

- 2507-2513 Once again about the breeding biology of the Caucasian blackcap *Sylvia atricapilla dammholzi* in the North-West Caucasus. V. M. MUZAEV, V. O. DERTYNOV
- 2514-2517 The use of nest-boxes by bird on the Curonian Spit. A. P. SHAPOVAL
- 2518-2524 The fruits of rowan *Sobus aucuparia* in the food of woodpeckers in the Leningrad Oblast. A. V. BARDIN, I. R. TARASENKO
- 2525-2527 Another finding the redshank *Tringa totanus* nest in the Novorzhev Raion of the Pskov Oblast. E. V. GRIGORIEV
- 2527-2530 The thick-billed warbler *Phragmaticola aedon* in the interior of the Bureya highland. M. F. BISEROV, E. A. MEDVEDEVA
- 2530-2531 Massive wintering of the starling *Sturnus vulgaris* in Baku. A. M. ALEKPEROV
- 2532-2535 The steppe subspecies of the merlin *Falco columbarius pallidus* in Russia. S. V. KORNEV, V. V. MOROZOV
- 2535-2539 The griffon vulture *Gyps fulvus* in the Central Caucasus. V. P. BELIK, V. A. TELPOV, Yu. E. KOMAROV, R. H. PSHEGUSOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Ещё раз о биологии размножения кавказской черноголовой славки *Sylvia atricapilla dammholzi* на Северо-Западном Кавказе

В.М.Музаев, В.О.Дертынов

Валентин Манцаевич Музаев, Виталий Олегович Дертынов. Калмыцкий государственный университет имени Б.Б.Городовикова. Ул. Пушкина, д. 11, Элиста, 358000, Россия.
E-mail: muzaev_vm@mail.ru

Поступила в редакцию 8 мая 2019

Кавказская черноголовая славка *Sylvia atricapilla dammholzi* Stresemann, 1928 на Северном Кавказе является обычной гнездящейся птицей (Бёме 1926; Радищев 1926; Аверин, Насимович 1938; Волчанецкий 1954; Бёме 1958; Ткаченко 1966; Моламусов 1967; Плотников, Мнацеканов 1987; Комаров, Бируля 1991; Комаров и др. 2006; Тильба 2006; Джамирзоев и др. 2014). Однако несмотря на это, биология размножения её здесь изучена ещё недостаточно.

Наиболее полно размножение этого подвида изучено в центральной части Северного Кавказа (Моламусов 1967; Комаров и др. 2006) и в Центральном Предкавказье (Хохлов 1991; Друп и др. 2011). Что же касается Северо-Западного Кавказа, то некоторые стороны гнездовой биологии кавказской черноголовки здесь рассматриваются В.М.Поливановым и Н.Н.Поливановой (1986) на основании сведений о 8 гнездовых находках, сделанных в Тебердинском заповеднике. Более детально анализируется гнездовая экология этой птицы в работе В.М.Музаева и С.А.Адучеева (2006), основанной на информации о 107 гнёздах, найденных в третьей декаде июня – третьей декаде июля 1991-2005 годов в окрестностях биостанции Кубанского государственного университета «Камышанова поляна», расположенной на северной окраине Лагонакского нагорья, в среднегорье, на высоте около 1200 м н.у.м.

В последующие годы сбор материала здесь продолжался и к настоящему времени мы располагаем сведениями, разной степени полноты, ещё о 64 гнёздах черноголовой славки, включая 37 жилых, которые и легли в основу настоящего сообщения.

В районе биостанции, в радиусе 3-5 км (1000-1500 м н.у.м), где проводились наблюдения, черноголовые славки гнездились в основном в кустарниках и на подросте деревьев по окраинам больших и малых полян как среди лесных массивов, так и вдоль лесных дорог, шоссе, заброшенной узкоколейной железной дороги, реже – в зарастающих кустарниками и высокотравьем садах и огородах на месте почти уже не существующего посёлка.

Гнёзда черноголовых славков ($n = 56$) располагались на 12 видах растений, однако 68% из них размещались на 2 видах – лещине обыкновенной *Corylus avellana* (22 гнезда) и шиповнике *Rosa* sp. (16 гнёзд). Остальные гнезда были построены: на боярышнике *Crataegus* sp., бересклете бородавчатом *Euonymus verrucosa*, бузине чёрной *Sambucus nigra* (по 3), алыче *Prunus cerasifera*, окопнике лекарственном *Symphytum officinale* (по 2), буке восточном *Fagus orientalis*, груше обыкновенной *Pyrus communis*, кизиле обыкновенном *Cornus mas*, свидине кроваво-красной *Cornus sanguinea* и яблоне домашней *Malus domestica* (по 1). В 1991-2005 годах гнёзда располагались на 17 видах растений (Музаев, Адучеев 2006), однако среди них отсутствовали бересклет бородавчатый, алыча, бук восточный, кизил и свидина кроваво-красная. Таким образом, общее количество использованных черноголовой славкой для размещения гнёзд древесно-кустарниковых и травянистых растений в районе исследования составило 22 вида.

Для размещения гнёзд ($n = 53$) славки использовали растения высотой от 0.7 до 4 м, однако чаще всего (в 34 случаях) они отдавали предпочтение растениям высотой от 1 до 2 м, ещё в 11 случаях они были не выше 2.5 м. Средняя высота гнездовых растений составила 1.78 ± 0.09 м ($\sigma = 0.64$; $CV = 35.8\%$).

Сами же гнёзда ($n = 53$) располагались, как правило, низко над землёй, обычно в ярусе травянистой растительности, в диапазоне высот от 0.15 до 0.9 м, в среднем в 0.54 ± 0.02 м ($\sigma = 0.19$; $CV = 35.5\%$) от земли. Примерно в таком же диапазоне высот (0.15-1.0 м) и на такой же примерно средней высоте от земли (0.49 м) располагались гнёзда этого вида в среднегорье Северной Осетии-Алании (Комаров и др. 2006).

Размеры 36 гнёзд составили, мм: диаметр гнезда 90-120 (в среднем 99.25 ± 1.43), диаметр лотка 50-80 (59.47 ± 0.89), высота гнезда 40-100 (62.22 ± 1.97), глубина гнезда 30-50 (41.39 ± 0.81); масса 35 сухих гнёзд варьировала от 4.62 до 8.34 г и равнялась в среднем 6.28 ± 1.04 г ($\sigma = 1.04$; $CV = 16.5\%$).

Величина полной кладки определена нами для 35 гнёзд: в 9 из них по наблюдениям в период откладки яиц, в 15 – по числу яиц в кладках, найденных на стадии насиживания, в 11 – по числу птенцов, от только что вылупившихся до достаточно продвинутых в развитии, но ещё не способных самостоятельно покинуть гнездо. Она варьировала от 2 до 4 яиц (2 яйца – 4 кладки, 3 яйца – 16, 4 яйца – 15 кладок) и составила в среднем 3.31 ± 0.11 яйца. Для предыдущего периода, когда величина полной кладки была установлена для 53 гнёзд, этот показатель был несколько выше – 3.74 ± 0.27 яйца, но тогда кладок из 4 яиц было значительно больше, чем из 3 яиц (32 и 18, соответственно). Кроме того, нам не встречались кладки из 2 яиц, но зато были найдены 3 гнезда, содержавшие по 5 яиц или птенцов (Музаев, Адучеев 2006).

В расположенной на Центральном Кавказе Северной Осетии полная кладка ($n = 43$) у черноголовой славки состояла из 3-5, но чаще 4-5 яиц (17 и 20 случаев, соответственно); средняя величина её составляла 4.3 ± 0.10 яйца (Комаров и др. 2006). Такие же значения этих параметров приводят В.Д.Друп с соавторами (2011) для 78 кладок этой славки из Центрального Предкавказья. Однако, ранее здесь М.П.Ильях и А.Н.Хохлов (2006), наряду с 60 кладками из 3-5 яиц, обнаружили одну кладку из 6 яиц; средняя величина обследованных ими кладок равнялась 4.38 ± 0.09 яйца. Как видно из приведённых данных, средний показатель величины кладки во всех случаях был заметно больше, чем у нас, что легко объясняется тем, что мы собирали материал во второй половине периода размножения черноголовой славки, когда, как известно (Мальчевский, Пукинский 1983; Зимин 1988; и др.), у птиц на спаде репродуктивного периода возникают редуцированные кладки. Из 5 полных кладок этого подвида из Центрального Кавказа, описание которых приводит Х.Т.Моламусов (1967), 3 содержали по 4 яйца, 2 – 3 и 5 яиц, а из 8 известных В.М. и Н.Н.Поливановым (1988) полных кладок из Тебердинского заповедника 6 содержали по 4 яйца, 2 – по 5.

В то же время, согласно И.Б.Волчанецкому (1954), у черноголовок из равнинных популяций чаще встречаются кладки из 5 яиц, реже бывает 4 или 6 яиц. Дальнейшие исследования показали, что, например, в Ленинградской области полная кладка у этого вида варьирует от 2 до 6 яиц, но чаще всего она состоит из 5 яиц (64 находки из 107), обычны также кладки из 4 яиц (30); средний показатель составляет примерно 4.7 яйца на гнездо (Мальчевский, Пукинский 1983). В Карелии этот показатель был несколько выше – 4.92 яйца, здесь также доминировали кладки из 5 яиц (18 из 24, при вариации величины кладки от 3 до 6 яиц) (Зимин 1988). Примерно таким же (4.91 ± 0.03 яйца) он был в Псковском Поозерье для 157 кладок, также содержащим от 3 до 6 яиц (Бубличенко, Фетисов 1989). На юго-востоке Мещерской низменности (Нумеров и др. 1995) и в Камском Предуралье (Фуфаев 1982) кладки этой птицы, правда, менее многочисленны (19 и 12, соответственно), состояли из 4-6 яиц, средние же их значения были несколько выше 5 яиц (5.05 ± 0.14 и 5.10 ± 0.23).

Как видно из приведённых данных, кавказские черноголовые славки в целом характеризуются несколько меньшей плодовитостью, чем представители номинативного подвида. Можно предположить, что для них характерен гипсоморфный эффект размножения – по Л.С.Степаняну (1970), снижение плодовитости некоторых групп птиц в горных условиях (обнаружено в горах юга Палеарктики – на Тянь-Шане, Памире и Кавказе), по сравнению с равнинными районами. При этом в отдельные годы (надо полагать, с более благоприятными погодными и кормовыми условиями) величина кладки может несколько возрасть.

Такое, например, имело место в 1990 году в Северной Осетии, когда из 14 обследованных кладок в 12 было по 5 яиц и лишь в двух – по 4, а в среднем на гнездо приходилось 4.9 ± 0.1 яйца (Комаров и др. 2006).

Сведения о длине и ширине всех измеренных нами в 1991-2018 годах яиц (штангенциркулем, с точностью до 0.1 мм), их объёме и индексе удлинённости, а также о внутрикладковой изменчивости по этим параметрам, вычисленным по стандартным методикам (Костин 1977; Ноут 1979; Климов и др. 1989), приведены в таблице 1.

Таблица 1. Морфометрия и внутрикладковая изменчивость яиц черноголовой славки в районе биостанции «Камышанова поляна» в 1991-2018 годах

Параметры	<i>n</i>	Lim	$M \pm m$	σ	CV, %
Длина, мм	116	17-22.5	20.01 ± 0.09	1.03	5.17
Ширина, мм	116	13.6-16.7	14.92 ± 0.06	0.63	4.20
Объём яиц, мм ²	116	1627.27-2930.02	2279.24 ± 24.57	264.66	11.61
Индекс удлинённости, %	116	19.23-47.30	34.26 ± 0.61	6.61	19.28
Внутрикладковая изменчивость яиц по длине	24*	0.1-2.0	0.85 ± 0.11	0.53	61.95
Внутрикладковая изменчивость яиц по ширине	24*	0.0-1.6	0.55 ± 0.09	0.42	76.40
Внутрикладковая изменчивость яиц по объёму	24*	27.23-656.32	238.24 ± 36.55	171.45	71.97

* – Внутрикладковая изменчивость яиц определена для 24 полных кладок, содержавших 3 или 4 яйца.

Таблица 2. Размеры яиц черноголовой славки на Северном Кавказе и в Предкавказье

Район исследования	<i>n</i>	Lim, мм	$M \pm m$, мм	σ	CV, %	Источник информации
Центральный Кавказ	86	17.8-21.6 ×	19.7 ± 0.01 ×	0.95	4.8	Комаров и др.. 2006
		13.9-16.0	14.8 ± 0.05	0.45	3.0	
Центральное Предкавказье	17	17.8-20.7 ×	18.83 ± 0.21 ×	1.530.77	4.7	Ильях. Хохлов. 2006
		13.9-15.2	14.39 ± 0.09		2.7	
Центральное Предкавказье	76	17.4-20.5 ×	19.03 ± 0.06 ×	0.530.52	2.79 3.60	Друп. 2008
		13.0-15.4	14.57 ± 0.06			
Центральное Предкавказье	93	–	18.9 ± 0.06 ×	–	3.2	Друп и др.. 2011
		–	14.5 ± 0.05	–	3.5	
Северо-Западный Кавказ	116	17.0-22.5 ×	20.01 ± 0.09 ×	1.03	5.17	Данные авторов
		13.6-16.7	14.92 ± 0.06	0.63	4.20	

Сравнение линейных параметров измеренных нами яиц с приведёнными в литературе данными из Центральной части Северного Кавказа и Центрального Предкавказья (табл. 2) показало, что некоторые яйца из района нашего исследования были короче, длиннее или шире яиц из вышеназванных районов. Более коротким было лишь 1 яйцо, имевшее размеры 17.0×13.7 мм и отличавшееся от остальных 3 яиц кладки, также довольно мелких, на 0.7-1.3 мм по длине и на 0.3-0.4 мм по ширине. Более длинных яиц было 5, их размеры – 21.7×15.2 , $21.7 \times$

15.3, 21.8×14.8, 21.8×15.3, 22.5×15.4; более широких яиц было 4, их размеры – 20.3×16.5, 20.6×16.5, 20.6×16.6, 20.6×16.7 мм (2 последних яйца были из одной кладки).

Сроки откладки первого яйца прослежены или рассчитаны нами приблизительно по возрасту птенцов для 35 гнёзд (табл. 3). Большинство кладок в них были начаты или должны были быть начаты во второй и третьей декадах июня и в первой декаде июля, причём их было примерно поровну. Кладок, начатых в первой декаде июня, было всего 2. Последняя же известная нам кладка была начата 15 июля 2015: в гнезде, найденном в этот день, было 1 яйцо, 17 июля в нём было уже 3 яйца, а 20 июля птицы уже насиживали кладку из 4 яиц. В 1991-2005 годах сроки откладки первого яйца были установлены для 56 кладок. Тогда из июньских кладок 24 были начаты или должны быть начаты во второй декаде, а 20 – в третьей декаде, все 12 июльских кладок были начаты в первой декаде (Музаев, Адучеев 2006).

Таблица 3. Сроки (по декадам) начала откладки яиц черноголовой славкой в районе биостанции «Камышанова поляна» в 2006-2018 годах

Год	Количество начатых по декадам кладок ($n = 35$), в скобках – количество в них яиц				
	Июнь			Июль	
	I	II	III	I	II
2006	–	–	1 (4)	–	–
2010	–	2 (3, 4)	–	–	–
2011	–	–	2 (3, 4)	–	–
2012	1 (4)	–	–	–	–
2014	1 (4)	5 (3, 3, 3, 4, 4)	5 (2, 2, 3, 3, 3)	–	–
2015	–	1 (4)	1 (4)	1 (3)	1 (4)
2016	–	1 (2)	2 (3, 3)	3 (3, 3, 4)	–
2017	–	–	–	3 (3, 3, 3)	–
2018	–	1 (2)	2 (4, 4)	2 (3, 4)	–
Всего кладок:	2	10	13	9	1

Что же касается сроков начала репродуктивного периода у этого вида в районе нашего исследования, то из-за поздних сроков приезда сюда мы такими данными не располагаем. Однако о них мы можем судить на основании некоторых косвенных данных. Так, в 1989-1991 годах, когда мы занимались здесь кольцеванием птиц, уже в последней декаде июня неоднократно отлавливались молодые черноголовки с полностью выросшими маховыми и рулевыми перьями. Поскольку маховые перья отрастают у славков обычно в возрасте 25-30 дней (Столбова 1987), то, по расчётам, эти птицы должны были вылупиться из яиц, отложенных во второй-третьей декадах мая. Полученные данные совпадают со сроками начала размножения этого вида в других райо-

нах Северного Кавказа: в Северной Осетии-Алании, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, горной части Ставропольского края (см. ранее перечисленных авторов).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно с уверенностью заключить, что растянутость начала кладок у черноголовой славки в районе исследования составляет около двух месяцев. Кроме того, судя по практически полному отсутствию в начальный период наших исследований (третья декада июня) гнёзд с продвинутыми в возрасте птенцами, а также уменьшенному количеству яиц в найденных гнёздах и поздним срокам их откладки (табл. 3), можно предположить, что для некоторой части кавказских черноголовок в районе исследования, так же как для вида в целом (Волчанецкий 1954; Портенко 1960; Makatsch 1976), характерна бициклия. О том, что черноголовая славка иногда выводит два раза в год в Северной Осетии и Ингушетии, писал ещё Л.Б.Беме (1926).

Литература

- Аверин Ю.В., Насимович А.А. 1938. Птицы горной части Северо-Западного Кавказа // *Тр. Кавказского заповедника* 1: 5-55.
- Бёме Л.Б. 1926. Птицы Северной Осетии и Ингушетии (с прилежащими районами) // *Учён. зап. Сев.-Кавказ. ин-та краеведения* 1: 175-274.
- Бёме Р.Л. 1958. Птицы Центрального Кавказа // *Учён. зап. Сев.-Осетин. пед. ин-та им. К.Л.Хетагурова* 23, 1: 111-183.
- Бубличенко Ю.Н., Фетисов С.А. 1989. Биология размножения славки-черноголовки в условиях Псковского Поозерья // *Экология птиц в период гнездования*. Л.: 84-97.
- Волчанецкий И.Б. 1954. Черноголовая славка *Sylvia atricapilla* L. // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 347-355.
- Джамирзоев Г.С., Перезов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Караваев А.А., Букреев С.А., Пшегусов Р.Х., Гизатулин И.И., Поливанов В.М., Витович О.А., Хубиев А.Б. 2014. Птицы заповедников и национальных парков северного Кавказа // *Тр. заповедника «Дагестанский»* 8: 1-428.
- Друп В.Д. 2008. Величина кладки и оологическая характеристика черноголовой и серой славки в Центральном Предкавказье // *Кавказ. орнитол. вестн.* 20: 23-28.
- Друп В.Д., Хохлов А.Н., Ильюх М.П. 2011. Сравнительная экология черноголовой и серой славки в Центральном Предкавказье. Ставрополь: 1-124.
- Зимин В.Б. 1988. *Экология воробьиных птиц Северо-Запада СССР*. Л.: 1-184.
- Ильюх М.П., Хохлов А.Н. 2006. *Кладки и размеры яиц птиц Центрального Предкавказья*. Ставрополь: 1-220.
- Климов С.М., Овчинникова Н.А., Архарова О.В. 1989. *Методические рекомендации по использованию оологического материала в популяционных исследованиях птиц*. Липецк: 1-9.
- Комаров Ю.Е., Бируля И.В. 1991. О гнездовании черноголовой славки и крапивника в Осетии // *Фауна, население и экология птиц Северного Кавказа*. Ставрополь: 6-17.
- Костин Ю.В. 1977. О методике ооморфологических исследований и унификации описаний оологических материалов // *Методики исследования продуктивности и структуры видов птиц в пределах их ареалов*. Вильнюс, 1: 14-22.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.

- Моламусов Х.Т. 1967. *Птицы центральной части Северного Кавказа*. Нальчик: 1-100.
- Музаев В.М., Адучеев С.А. 2006. Материалы по биологии размножения черноголовой славки *Sylvia atricapilla* (L.) на Северо-Западном Кавказе // *Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий*. Краснодар: 65-66.
- Нумеров А.Д., Приклонский С.Г., Иванчев В.П., Котюков Ю.В., Кашенцева Т.А., Маркин Ю.М., Постельных А.В. 1995. Кладки и размеры яиц птиц юго-востока Мещерской низменности // *Тр. Окского заповедника* **18**: 1-168.
- Плотников Г.К., Мнацеканов Р.А. 1987. Орнитофауна Лагонакского нагорья // *Научно-практическая конференция «Проблемы Лагонакского нагорья» (сборник тезисов)*. Краснодар: 88-92.
- Поливанов В.М., Поливанова Н.Н. 1986. Экология лесных птиц северных макросклонов Северо-Западного Кавказа // *Тр. Тебердинского заповедника* **10**: 11-164.
- Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР (Воробьиные)*. Ч. 4. М.; Л.: 1-415 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 69).
- Радищев А.М. 1926. Материалы к познанию авифауны Кабарды и Балкарии (отряды Passeriformes и Coraciiformes) // *Учён. зап. Сев.-Кавказ. ин-та краеведения* **1**: 119-145.
- Степанян Л.С. 1970. Гипсоморфный эффект размножения птиц // *Журн. общ. биол.* **31**, 5: 609-614.
- Столбова Ф.С. 1987. *Анализ географической изменчивости годовых циклов перелётных птиц на примере представителей рода Sylvia*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Л.: 1-17.
- Тильба П.А. 2006. Авифауна Сочинского национального парка // *Инвентаризация основных таксономических групп и сообществ, зоологические исследования Сочинского национального парка – первые итоги первого в России национального парка*. М.: 226-270.
- Ткаченко В.И. 1966. Птицы Тебердинского заповедника // *Тр. Тебердинского заповедника* **6**: 147-230.
- Фуфаев А.А. 1984. Предгнездовой период у воробьиных птиц Камского Приуралья // *Гнездовая жизнь птиц*. Пермь: 38-47.
- Хохлов А.Н. 1991. Материалы по распространению, численности и гнездовой биологии славок в Центральном Предкавказье // *Распространение, численность и биология птиц Северного Кавказа*. Ставрополь: 89-103.
- Hoyt D.F. 1979. Practical methods of estimating volume and fresh weight of bird eggs // *Auk* **96**: 73-77.
- Makatsch W. 1976. *Sylvia atricapilla* (L.) // *Die Eier der Vögel Europas*. 2. Leipzig; Radebeul: 273-275.

Использование искусственных гнездовых птицами на Куршской косе

А. П. Шаповал

Анатолий Петрович Шаповал. SPIN-код: 8279-9210. Биологическая станция «Рыбачий», ФГБУН Зоологический институт РАН. Посёлок Рыбачий, Калининградская область, 238535, Россия.
E-mail: apshap@mail.ru

Поступила в редакцию 10 марта 2019

Около 1000 дуплянок было развешено весной 2000 года от основания косы почти до границы с её литовской частью. Мною контролировался участок длиной около 2.5 км (от 17-го до 20-го километра косы), на котором имелось 100 новых и 3 оставшихся старых гнездовых типа «синичник». Дуплянки развешивались через 20-30 м в основном в смешанном приспевающем лесу (ель, сосна обыкновенная, берёза, ольха чёрная) слегка зигзагообразно на расстоянии от нескольких метров до 100-200 м от шоссе (в среднем 100-150 м). Этот участок контролировался в течение 11 лет, с 2000 по 2010 год. Контроль дуплянок проводился по несколько раз в гнездовой период – минимум 2 раза в 2009 и 2010 годах, максимум 9-11 раз в 2005 году, обычно 4-5 раз в год.

В предыдущей публикации (Шаповал 2019) проанализированы данные об использовании искусственных гнездовых для птиц другими животными.

В настоящем сообщении приводятся данные о занятости синичников птицами-дуплогнездниками на протяжении 11 лет (см. таблицу). Обычно на контролируемом участке в дуплянках ежегодно гнездились 20-30 пар птиц. Минимальное число гнёзд наблюдалось в последний год контроля – всего 10, но в тот год пригодных для гнездования птиц было всего 78 гнездовых, и в 2006 – 11 гнёзд, хотя пригодными были почти все дуплянки (102 шт.). Из 103 контролируемых искусственных гнездовых ни разу не занимались птицами всего 12, причём они располагались более или менее компактно на 4 микроучастках, которые, видимо, были малопригодны для гнездования птиц. Хотя бы один раз птицы гнездились в 18 дуплянках (мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca* – 4, лазоревка *Parus caeruleus* – 2, московка *Parus ater* – 2, большая синица *Parus major* – 9), причём одна дуплянка занималась поочерёдно московкой и большой синицей и оба раза размножение было неудачным. Птицами дважды использовались 23 дуплянки, трижды – 20, четырежды – 13, 5 раз – 8, 6 раз – 1, 7 раз – 2 (причём в два последних года контроля одна их занимаемых дуплянок уже отсутствовала) и только одну единственную дуплянку птицы использовали 8

лет из 11 (в ней трижды гнездились мухоловки-пеструшки и 5 раз – большие синицы). Если отдельные гнездовья занимались два и более лет, то они каждый раз использовались только двумя отдельными видами – один раз лазоревкой (всего два года) и 15 – большой синицей (11 раз два года, 4 раза три года и даже дважды – по 5 лет). Чаще всего это было сочетание мухоловка-пеструшка – большая синица (28 раз), 6 раз использовались поочередно тремя видами и однажды – четырьмя.

Занятость дуплянок птицами в разные годы на одном из участков развески искусственных гнездовий на Куршской косе

№ дупл.	Годы										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1				<i>P.m.</i>				×			
2			<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>							
3	<i>F.h.</i>										
4		<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>		<i>P.m.</i>		<i>F.h.</i>	
5				<i>P.p.</i>					<i>P.m.</i>		<i>F.h.</i>
6				<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>			<i>P.p.</i>			
7	<i>P.c.</i>							<i>P.m.</i>			
8		<i>P.c.</i>			<i>P.p.</i>	<i>P.c.</i>		<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		
9			<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>		<i>P.c.</i>	×	×	×
10				<i>P.p.</i>				<i>P.m.</i>	<i>Parus</i>	<i>P.m.</i>	
11				<i>P.m.</i>					<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>
12			<i>F.h.</i>					<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>	
13			<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>		<i>P.c.</i>	<i>P.m.</i>		
14	<i>P.m.</i>						<i>P.m.</i>			×	×
15				<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>		×	×
16					<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	
17	<i>P.c.</i>								×	×	×
18										<i>P.m.</i>	
19			<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>					<i>P.m.</i>		
20		<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>			<i>F.h.</i>		<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	×
21		<i>P.c.</i>									
22		<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>	×					×	×	×
23			<i>P.m.</i>								×
24				<i>P.m.</i>					<i>P.m.</i>		
25			<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		<i>Parus</i>				<i>P.m.</i>	×
26	<i>P.c.</i>		<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>					
27			<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	<i>Parus</i>		×			
28		<i>Parus</i>						<i>P.c.</i>	<i>P.m.</i>		<i>P.p.</i>
29			<i>F.h.</i>			<i>P.m.</i>		×			
30		<i>P.p.</i>	<i>F.h.</i>								
31		<i>P.c.</i>			<i>F.h.</i>				<i>P.c.</i>		
32						<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>
33	<i>P.c.</i>	<i>F.h.</i>			<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>				<i>P.m.</i>	
34	<i>P.m.</i>			<i>F.h.</i>				<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		
35			<i>P.m.</i>					<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>
36											×
37		<i>P.c.</i>		<i>P.p.</i>		<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>				
38							<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>		
39											
40		<i>P.c.</i>			<i>P.m.</i>			<i>S.e.</i>			
41											×

Продолжение таблицы

№ дупл.	Годы										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
42	<i>P.c., F.h.</i>		<i>F.h.</i>						<i>P.m.</i>		
43	<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>							
44			<i>P.m.</i>					<i>P.m.</i>			x
45	<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>		<i>P.m.</i>				x			
46	<i>P.c.</i>						<i>P.m.</i>		<i>P.c.</i>	<i>P.m.</i>	
47			<i>P.m.</i>						<i>P.m.</i>		
48	<i>P.m.</i>		<i>F.h.</i>			<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>		x	
49		<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>			<i>P.m.</i>				x	
50			<i>F.h.</i>			x	x	x			
51					<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	x			
52								x			
53	<i>P.m.</i>										
54											
55		<i>S.e.</i>	<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>		<i>F.h.</i>					
56							<i>P.m.</i>				
57											
58			<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>				x	
59		<i>Parus</i>								<i>P.m.</i>	
60			<i>F.h.</i>						<i>P.m.</i>		
61		<i>P.a.</i>									
62						<i>F.h.</i>					
63		<i>Parus, F.h.</i>					<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	<i>F.h., P.m.</i>	
64			<i>F.h.</i>		<i>F.h.</i>		<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	
65		<i>P.c.</i>							<i>P.m.</i>	x	x
66	<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>			
67	<i>F.h.</i>	<i>P.p.</i>									
68	<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>							<i>P.m.</i>	x	x
69			<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>						<i>P.m.</i>	x
70		<i>F.h.</i>						x			
71										x	x
72											
73										x	x
74									<i>P.m.</i>		
75									<i>P.m.</i>		
76			<i>P.m.</i>								
77										<i>P.m.</i>	
78						<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>		<i>P.m.</i>		
79			<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>				<i>P.m.</i>			x
80	<i>P.a.</i>										
81											x
82									<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>	
83	<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>							<i>P.m.</i>		
84			<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>					x		
85				<i>Parus</i>				<i>P.m.</i>	<i>P.m., F.h.</i>	<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>
86						<i>P.m.</i>					
87		<i>P.m.</i>			<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>					
88		<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>		<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>		<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>
89					<i>P.m.</i>					<i>P.m.</i>	x
90		<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>								
91											x
92											
93		<i>P.c.</i>			<i>P.c.</i>						
94	<i>P.c.</i>				<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>				<i>F.h.</i>

Окончание таблицы

№ дупл.	Годы										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
95			<i>P.m.</i>						<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>
96						<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>			
97						<i>P.m.</i>			×	×	×
98				<i>P.m.</i>					<i>P.m.</i>		
99				<i>P.m.</i>	<i>F.h.</i>	<i>F.h.</i>				<i>F.h.</i>	<i>P.m.</i>
100		<i>P.a., P.m.</i>							×	×	×
3С	<i>F.h.</i>	<i>S.e.</i>	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	×	×
4С		<i>P.m.</i>				<i>P.m.</i>			×	×	×
5С	<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>		<i>P.m.</i>				<i>P.m.</i>	<i>P.m.</i>	×	×
Число дупл.	103	103	103	102	103	102	102	95	96	86	78
Занято дупл.	21	30	34	25	19	28	11	25	33	20	10

Обозначения: × – дуплянки не пригодны или отсутствуют, *P.a.* – московка *Parus ater*, *P.c.* лазоревка *Parus caeruleus*, *P.m.* – большая синица *Parus major*, *P.p.* – болотная гайчка *Parus palustris*; *Parus* – видовая принадлежность гнезда синицы не определена; *S.e.* – поползень *Sitta europaea*; *F.h.* – мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca*.

За 11-летний период на контролируемом участке в искусственных гнездовьях зарегистрирована 261 попытка гнездования 6 видов птиц-дуплогнездников, в том числе большой синицы – 151, мухоловки-пеструшки – 68, лазоревки – 21, болотной гайчки *Parus palustris* – 8, московки – 3, поползня *Sitta europaea* – 3. В 7 случаях недостроенные или брошенные гнезда синиц не удалось определить до вида.

На занятость птицами искусственных гнездовий оказывали влияние другие виды животных, поселяющиеся в них (Шаповал 2019). Это осы, шершни, муравьи, лесные и желтогорлые мыши и больше всего – летучие мыши (2 вида, 182 случая поселения). При этом всего в 4 случаях после того, как зверьки покидали соответствующие дуплянки, в них гнездились большие синицы. После удаления насекомых из дуплянок они занимались птицами немного чаще: из 132 случая с осами – 6 раз большими синицами и 1 раз мухоловкой-пеструшкой. Однако 10 гнездовий, используемые шершнями и 3 – муравьями впоследствии птицами не заселялись. 27 дуплянок в разные годы заселяли мыши (зимние гнёзда желтогорлых или лесных, в 3 случаях в них находились живые грызуны) и только дважды после их удаления они занимались большими синицами при втором цикле размножения.

Исследования поддержаны Зоологическим институтом РАН (номер темы АААА-А19-119021190073-8)

Литература

Шаповал А.П. 2019. Использование другими животными искусственных гнездовий для птиц на одном из участков их развески в разные годы на Куршской косе Балтийского моря // *Рус. орнитол. журн.* 28 (1746): 1294-1297.

Плоды рябины *Sorbus aucuparia* в пище дятлов Ленинградской области

А.В.Бардин, И.Р.Тарасенко

Александр Васильевич Бардин. SPIN-код: 5608-1832. Кафедра зоологии позвоночных, биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034 Россия. E-mail: ornis@mail.ru
Ия Рудольфовна Тарасенко. Санкт-Петербург, 191144, Россия. E-mail: iiii0001@yandex.ru

Поступила в редакцию 11 апреля 2019

Из восьми видов дятловых птиц Picidae, обитающих в Ленинградской области, наиболее всеяден большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*, в питании которого большое место занимает растительная пища, прежде всего семена хвойных деревьев. Для остальных видов характерна более или менее выраженная стенофагия – специализация на питании муравьями (особенно зелёный дятел *Picus viridis* и вертикалка *Jynx torquilla*) или насекомыми-ксилофагами (особенно трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*) (Поспелов 2008, 2015; Прокофьева 1971, 2002; Мальчевский, Пукинский 1983). Тем не менее, в пище всех этих дятлов в разных частях их ареалов отмечен и растительный корм – семена и сочные плоды* – как незначительная добавка к пище или даже как важная часть рациона в некоторых регионах (Cramp 1985; Приклонский и др. 2005). Однако для Ленинградской области питание сочными плодами, в частности рябины *Sorbus aucuparia*, ранее было зарегистрировано среди наших дятлов только у большого пёстрого (Прокофьева 2005). Использование этим дятлом плодов рябины – важного кормового ресурса для целого ряда птиц – подтверждается и нашими неоднократными наблюдениями, и многочисленными литературными данными из разных частей ареала большого пёстрого дятла.

23 августа 2011 в деревне Заостровье (Лодейнопольский район Ленинградской области) Р.А.Сагитов (2011) с удивлением наблюдал одиночного трёхпалого дятла, клевавшего плоды рябины. Для Ленинградской области это пока единственная регистрация использования рябины этим видом, более других дятлов специализированном на добывании насекомых-ксилофагов. Однако в литературе есть указания на то, что трёхпалый дятел изредка поедает плоды рябины в других регионах (Ruge 1968; Hogstad 1970; Scherzinger 1972; Формозов 1976; Cramp 1985; Бутьев, Фридман 2005). В пище этих дятлов изредка отмечали и ягоды черники, брусники, бузины, а также семена хвойных деревьев

* Ещё один важный сезонный растительный корм дятлов – сок деревьев (Осмоловская 2001; Осмоловская, Формозов 2009; Pakkala *et al.* 2018).

(Поспелов 2015; Сирохин 1984; Огородникова, Миронова 1991). Нужно добавить, что весной трёхпалый, как и многие другие дятлы, часто использует такую растительную пищу, как сок деревьев (Осмоловская 2001; Осмоловская, Формозов 2009; Плешак 2004; Rakkala *et al.* 2018).

В декабре 2017 года в черте города Санкт-Петербурга мы наблюдали питание рябиной ещё у двух видов дятлов Ленинградской области: седого *Picus canus* и чёрного, или желны *Dryocopus martius*.

Самец седого дятла встречен в Нижнем парке Петергофа в холодный и пасмурный день 23 декабря 2017 неподалёку от Римских фонтанов. Дятел прилетел на рябину, сохранившую много плодов, и жадно клевал их (рис. 1). При этом он ловко подвешивался к тонким ветвям. Вскоре дятла спугнули шумные посетители парка.

Рис. 1. Самец седого дятла *Picus canus* кормится плодами рябины *Sorbus aucuparia*. Нижний парк Петергофа. 23 декабря 2017. Фото И.Р.Тарасенко.

Самка желны, кормящаяся плодами рябины, наблюдалась 17 декабря 2017 в Центральный парк культуры и отдыха им. С.М.Кирова на Елагином острове. Дятел был криклив, часто перелетал с дерева на дерево. Сначала он ел рябину, прицепившись к стволу старого дерева, затем перелетел на невысокое тонкое деревце рябины и клевал плоды, подвешиваясь к тонким ветвям (рис. 2). Кормился дятел на рябине около 5 мин, затем улетел.

Рис. 2. Самка чёрного дятла *Dryocopus martius* кормится плодами рябины *Sorbus aucuparia*. Парк на Елагином острове, Санкт-Петербург.. 17 декабря 2017. Фото И.Р.Тарасенко.

Для Ленинградской области о поедании плодов рябины седым и чёрным дятлами до сих пор не сообщалось. Однако в других частях ареала использование сочных плодов этими дятлами хорошо известно.

Основным кормом седого дятла, как и зелёного, являются муравьи. Однако, по сравнению с зелёным, седой дятел более пластичен в кормовом отношении (Cramp 1985; Иванчев 2005а) и его рацион включает, кроме разнообразных беспозвоночных, сочные плоды и семена. Особенно это характерно для седых дятлов *P. c. jessoensis* Stejneger 1886 на юге Дальнего Востока, где поздней осенью и зимой они переходят на питание преимущественно растительными кормами. В холодный сезон они используют плоды маньчжурской яблони *Malus manshurica*, черёмухи Маака *Padus maackii*, амурского бархата *Phellodendron amurense*, сахалинского бархата *Ph. sachalinensis*, элеутерококка *Eleutherococcus sessiliflorus*, лимонника китайского *Schizandra chinensis*, бересклетов *Euonymus* spp., древогубцев *Celastrus* spp., жимолости Маака *Lonicera maackii*, винограда амурского *Vitis amurensis*, актинидии полигамной *Actinidia polygama*, семян кедровых сосен *Pinus sibirica* и *P. karaiensis* (Панов 1973; Поливанов 1981; Иванчев 2005; Нечаев 2001; Нечаев, Нечаев 2013, 2016, 2017а,б). На острове Хоккайдо седые дятла осенью и зимой едят также плоды аралии высокой *Aralia elata*, калопанакса *Kalopanax septemlobus*, токсикодендрона волосистоплодного *Toxicodendron trichocarpum*, магнолии обратнойцевидной *Magnolia obovata* (Matsuoka, Kojima 1979, 1985).

В Баргузинском заповеднике зимой основным кормом седому дятлу служат кедровые орешки (Филонов 1961). В Западной Сибири отмечено использование в пищу плодов рябины (Прокопов 1969), на Западном Алтае – калины *Viburnum opulus* (Березовиков и др. 2000), черёмухи *Padus avium* (Щербаков, Зайцев 2017), яблони сибирской *Malus baccata* (Березовиков 2019). Под Новосибирском отмечалось поедание седым дятлом костянок интродуцированной черёмухи Маака (Жуков 2011), в Белгородской области – плодов интродуцированного бархата амурского (Квартальнов 2016), в Саратовской области – интродуцированного лоха остроплодного *Elaeagnus oxycarpa* (Березуцкий и др. 2008), в окрестностях Ростова-на-Дону – интродуцированных девичьего винограда пятилисточкового *Parthenocissus quinquefolia* и шелковицы чёрной *Morus nigra* (Забашта 2018). В Псковской области отмечено поедание яблок яблони домашней *Malus domestica* (Григорьев 2018). В разных частях Европы наблюдалось редкое использование седым дятлом плодов рябины, яблони, груши, вишни, черешни, бузины чёрной, облепихи, дуба, лещины, липы и др. (Cramp 1985; Иванчев 2005).

В питании чёрного дятла, как хорошо известно, основную роль играют муравьи и насекомые-ксилофаги: личинки и имаго жуков-усачей, долгоносиков, короедов, златок и щелкунов. Однако изредка отмечается

использование им и растительной пищи: плодов рябины, черёмухи, вишни, яблони, боярышников *Crataegus*, черники *Vaccinium myrtillus*, омелы белой *Viscum album*, аралии высокой, бархата сахалинского, магнолии обратнойцевидной, семян сосен *Pinus sylvestris*, *P. cembra*, *P. pumila* (Beven G. 1966; Нечаев 1969, 1991; Cuisin M. 1977; Cramp 1985; Иванчев 2005б; Gorman 2011). В ряде случаев желна ест плоды и семена в заметном количестве. Возможно, в связи с ростом численности, расширением ареала и проникновением в города пластичность питания этого вида будет увеличиваться. В самое последнее время появились новые сообщения о кормлении чёрных дятлов плодами боярышника (Василевская 2018), рябины (Березовиков, Исаченко 2018), яблони сибирской (Ляпунов, Фельдман, Березовиков 2017; Фельдман, Березовиков 2017).

Итак, использование плодов рябины в пищу в Ленинградской области отмечено у 4 видов дятлов: большого пёстрого, седого, чёрного и трёхпалого. А.Н.Формозов (1976) в списке птиц – потребителей рябины приводит 6 видов дятлов: чёрного, зелёного, седого, большого пёстрого, белоспинного и трёхпалого. Если на данный вопрос орнитологи обратят более пристальное внимание, то этот список, возможно, будет расширен и для Ленинградской области. В заключение нужно отметить, что рацион дятлов интересен и с точки зрения изучения географической изменчивости питания. Например, белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos*, относимый к группе «долбящих» дятлов (Осмоловская, Формозов 2009), у нас считается видом, специализированном на круглогодичном добывании насекомых-ксилофагов (Мальчевский, Пукинский 1983), однако, например, на Дальнем Востоке (форма *D. l. sinicus* Buturlin, 1907) большую долю его рациона осенью и зимой составляет растительный корм: «орешки» кедровых сосен *Pinus sibiricus* и *P. koraiensis*, плоды амурского бархата, калопанакса, маньчжурского ореха *Juglans mandshurica* (Воробьёв 1954; Панов 1973; Поливанов 1981).

Литература

- Березовиков Н.Н. 2019. Заметка об осенне-зимнем питании седого дятла *Picus canus* на Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1768): 2150-2156.
- Березовиков Н.Н., Исаченко А.Д. 2018. Желна *Dryocopus martius* кормится плодами рябины сибирской *Sorbus sibirica* // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1671): 4684-4685.
- Березуцкий М.А., Завьялов Е.В., Мосолова Е.Ю., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н. 2008. О натурализации и некоторых биотических связях лоха остроплодного (*Elaeagnus oxycarpa* Schlecht.) на территории Саратовской области // *Бюл. бот. сада Саратов. ун-та* **7**: 52-59.
- Бутъев В.Т., Фридман В.С. 2005. Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus* (Linnaeus, 1758) // *Птицы России и сопредельных регионов: Сивообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные*. М.: 423-434.
- Василевская А.А. 2018. Нетипичное кормовое поведение желны *Dryocopus martius* на севере Москвы // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1581): 1255-1258.

- Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.
- Григорьев Э.В. 2018. Седой дятел *Picus canus* ест яблоки // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1671): 4686-4688.
- Жуков В.С. 2011. Седой дятел *Picus canus* кормится плодами черёмухи Маака *Radus taaskii* // *Рус. орнитол. журн.* **20** (702): 2202-2203.
- Забашта А.В. 2018. Расселение зелёного дятла *Picus viridis* в Западном Предкавказье // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1595): 1723-1729.
- Иванчев В.П. 2005а. Седой дятел *Picus canus* J.F.Gmelin, 1788 // *Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные*. М.: 309-319.
- Иванчев В.П. 2005б. Желна *Dryocopus martius* Linnaeus, 1758 // *Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные*. М.: 309-319.
- Квартальнов П.В. 2016. О питании седого дятла *Picus canus* плодами амурского бархата *Phellodendron amurense* в Лесу на Ворскле (Белгородская область) // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1276): 1433-1437.
- Ляпунов В.В., Фельдман А.С., Березовиков Н.Н. 2017. Желна *Dryocopus martius* – новый потребитель плодов яблони сибирской *Malus baccata* в Восточно-Казахстанской области // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1402): 502-507.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **1**: 1-480.
- Нечаев В.А. 1969. *Птицы Южных Курильских островов*. Л.: 1-246.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
- Нечаев В.А. 2001. Птицы – потребители и распространители плодов и семян древесных растений в Приморском крае // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **106**, **2**: 14-21.
- Нечаев В.А., Нечаев А.А. 2013. Деревянистые лианы и птицы-карпофаги на юге Дальнего Востока России // *Вестн. ДВО РАН* **5** (171): 138-147.
- Нечаев В.А., Нечаев А.А. 2016. Птицы – потребители плодов и распространители семян бархата *Phellodendron Rupr.* на юге Дальнего Востока России // *Сиб. лесной журн.* **1**: 64-70.
- Нечаев В.А., Нечаев А.А. 2017а. Бархат *Phellodendron Rupr.* и птицы-карпофаги на российском Дальнем Востоке // *Природные ресурсы и экология Дальневосточного региона: материалы 2-го Международ. науч.-практ. форума*. Хабаровск, **2**: 221-225.
- Нечаев В.А., Нечаев А.А. 2017б. Растения семейства Celastraceae Lindl. и птицы-карпофаги на Дальнем Востоке России // *Вестн. ДВО РАН* **2** (192): 7-14.
- Огородникова Л.И., Миронова В.Е. 1991. Некоторые данные по питанию дятлов в условиях Читинской области // *Экология и фауна птиц Восточной Сибири*. Улан-Удэ: 134-139.
- Осмоловская В.И. 2001. Питание дятлов соком деревьев // *Рус. орнитол. журн.* **10** (153): 650-658 [1946].
- Осмоловская В.И., Формозов А.Н. 2009. Очерки экологии некоторых полезных птиц леса: Дятлы // *Рус. орнитол. журн.* **18** (476): 575-605 [1950].
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Плешак Т.В. 2004. О кольцевании трёхпалым дятлом *Picoides tridactylus* хвойных деревьев // *Рус. орнитол. журн.* **13** (257): 318-319.
- Поливанов В.М. 1981. *Экология птиц-дуплогнезdnиков Приморья*. М.: 1-171.
- Поспелов С.М. 2008. О питании и хозяйственном значении синиц, пищухи и малого пёстрого дятла в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* **17** (431): 1125-1132.
- Поспелов С.М. 2015. К вопросу о хозяйственном значении дятлов в лесах Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1177): 2876-2882.

- Приклонский С.Г., Иванчев В.П., Зубакин В.А. (отв. ред.) 2005. *Птицы России и сопредельных регионов: СOVOобразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные*. М.: 1-487.
- Прокофьева И.В. 1971. О кормовом режиме большого пёстрого дятла // *Биол. науки* 1: 20-25.
- Прокопов А.С. 1969. *Экология дятловых равнинной тайги Западной Сибири*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Томск: 1-19.
- Прокофьева И.В. 2002. Заметки о питании редких видов дятлов в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* 11 (180): 251-257.
- Прокофьева И.В. 2005. Воробьиные и дятлы – потребители сочных плодов // *Рус. орнитол. журн.* 14 (303): 996-1001.
- Сагитов Р.А. 2011. Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus* кормится плодами рябины *Sorbus aucuparia* // *Рус. орнитол. журн.* 20 (694): 2007.
- Сирохин И.Н. 1984. Питание трёхпалого дятла в южном Предбайкалье // *Фауна и экология птиц Восточной Сибири*. Иркутск: 97-104.
- Фельдман А.С., Березовиков Н.Н. 2017. Новые случаи кормления желны *Dryocopus martius* плодами яблони сибирской *Malus baccata* в Семипалатинском Прииртышье // *Рус. орнитол. журн.* 26 (1514): 4398-4401.
- Филонов К.П. 1961. Зима в жизни птиц Баргузинского заповедника // *Тр. Баргузинского заповедника* 3: 37-98.
- Формозов А.Н. 1976. *Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания*. М.: 1-309.
- Щербаков Б.В., Зайцев Н.А. 2017. К экологии седого дятла *Picus canus* на Западном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* 26 (1388): 17-21.
- Beven G. 1966. Studies of less familiar birds. 140. Black woodpecker // *Brit. birds* 59: 233-240.
- Cramp S. 1985. *The Birds of the Western Palearctic*. Vol. 4. Terns to Woodpeckers. Oxford Univ. Press.
- Cuisin M. 1977. Le pic noir (*Dryocopus martius* (L.)) en foret, Bilan des observations sur son regime alimentaire et nouvelles donnees sur son active de charpentier // *Oiseau et Rev. Frans. Ornithol.* 47, 2: 159-165.
- Gorman G. 2011. The Black Woodpecker – A Monograph on *Dryocopus martius*. Barcelona: 1-184.
- Hogstad O. 1970. On the ecology of the three-toed woodpecker *Picoides tridactylus* (L.) outside the breeding season // *Nytt Mag. Zool.* 18: 221-227.
- Matsuoka S., Kojima K. 1979. Winter food habits of grey-headed green woodpeckers *Picus canus* // *Tori* 28, 4: 107-116.
- Matsuoka S., Kojima K. 1985. Studies on the food habits of four sympatric species of woodpeckers // *Tori* 33, 4: 103-111.
- Pakkala T., Piironen J., Lakka J., Tiainen J., Piha M., Kouki J. 2018. Tree sap as an important seasonal food resource for woodpeckers: the case of the Eurasian three-toed woodpecker (*Picoides tridactylus*) in southern Finland // *Ann. zool. fenn.* 55, 1/3: 79-93.
- Ruge K. 1968. Zur Biologie des Dreizehenspechtes *Picoides tridactylus* // *Ornithol. Beobachter* 65: 109-124.
- Scherzinger W. 1972. Beobachtungen am Dreizehenspecht (*Picoides tridactylus*) im Gebiet des Nationalparks Bayerischer Wald // *Ornithol. Mitt.* 24: 207-210.

Ещё одна находка гнезда травника *Tringa totanus* в Новоржевском районе Псковской области

Э.В. Григорьев

Эдуард Вячеславович Григорьев. Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия. E-mail: edik.grigoriev2016@yandex.ru

Поступила в редакцию 5 мая 2019

Впервые в Псковской области гнездо травника *Tringa totanus* было найдено 11 июня 1996 в смешанной колонии куликов около озера Лунёво на Никандровском болоте в Порховском районе (Ильинский, Фетисов 2014). Второе гнездо этого кулика обнаружено 12 мая 2018 на сыром суходольном лугу (в нижней, более сырой его части) у деревни Савино (57°00'19" с.ш., 29°17'36" в.д.) в 3.5 км юго-западнее Новоржева (Григорьев 2018).

Рис. 1. Расположение гнезда травника *Tringa totanus* на сыром суходольном лугу около деревни Савино. Новоржевский район Псковской области. 1 мая 2019. Фото автора.

На этом же лугу 1 мая 2019 я нашёл ещё одно гнездо травника. Оно также располагалось в куртине прошлогодней травы и было хорошо скрыто ею. Насиживающая птица вылетела у меня из-под самых ног, что и позволило обнаружить гнездо. Диаметр гнезда 14 см, диаметр лотка 7 см, глубина лотка 4 см (см. рисунок). В полной кладке 4 яйца; одно взял в коллекцию, его насиженность составляет примерно

1 сут. Таким образом, кладка начата приблизительно 27 апреля. Размеры яиц, мм: 30.0×42.5, 30.0×43.9, 30.0×43.4 и 30.0×43.0; вес яиц, г: 19.9, 20.1, 20.5 и 19.7. Весной 2019 года травник появился 31 марта.

Рис. 2. Гнездо травника *Tringa totanus* на сыром суходольном лугу в окрестностях деревни Савино. Новоржевский район Псковской области. 1 мая 2019. Фото автора.

Литература

- Григорьев Э.В. 2018. Первая находка гнезда травника *Tringa totanus* в Новоржевском районе Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1617): 2570-2572.
- Ильинский И.В., Фетисов С.А. 2014. Встречи редких в Псковской области птиц на Никандровском болоте // *Рус. орнитол. журн.* **23** (958): 171-174.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1777: 2527-2530

Толстоклювая камышевка *Phragmaticola aedon* во внутренних районах Буреинского нагорья

М.Ф.Бисеров, Е.А.Медведева

Марат Фаридович Бисеров, Елена Александровна Медведева. Государственный природный заповедник «Буреинский». Ул. Зелёная, д. 3, посёлок Чегдомын, Хабаровский край, 682030, Россия. E-mail: marat-biserov@mail.ru; med-ea@mail.ru

Второе издание. Первая публикация в 2015*

Толстоклювая камышевка *Phragmaticola aedon* в бассейне Амура находится на северном пределе распространения. В бассейне верхнего Амура и Зеи она распространена к северу до 54° с.ш., в долине нижнего Амура – до 51° с.ш. (Степанян 1990). Согласно В.А.Нечаеву и Т.В. Гамовой (2009), северная граница ареала в долине нижнего Амура захватывает долину реки Тугур и доходит до устья Амура, до 53° с.ш.

О распространении толстоклювой камышевки во внутренних районах Буреинского нагорья, обширного поднятия левобережья среднего и нижнего Амура, по последним данным известно следующее. Во второй декаде июня 2001 года она найдена в качестве обычного вида на заболоченных лугах по реке Бурее у посёлка Чекунда (50°52' с.ш.; около 250 м н.у.м.). Далее вверх по Бурее вид регистрировался в период весенней миграции в северной части верхнебуреинской долины у посёлка Чегдомын (51°07' с.ш.; 440 м н.у.м.). В 2010 году обнаружено гнездование толстоклювой камышевки в посёлке Чегдомын. Выше по течению Буреи регистрировался единичный залёт 2 июня 1997 в 2 км ниже слияния реклевой и Правой Буреи (51°38' с.ш.; 550 м н.у.м.). В этот день одиночный поющий самец обнаружен на острове с порослью чозении (Бисеров 1999). Таким образом, в настоящее время северная граница распространения толстоклювой камышевки на гнездовании в пределах Буреинского нагорья проходит у 51°07' с.ш., то есть значительно южнее, чем на остальной, преимущественно равнинной части

---

* Бисеров М.Ф., Медведева Е.А. 2015. Толстоклювая камышевка *Phragmaticola aedon* (Pall.) во внутренних районах Буреинского нагорья // *Алтай. зоол. журн.* **9**: 41-43.

Приамурья. Ряд исследователей, в частности А.И.Антонов (2012), предполагает, что и Верхнебуреинская равнина, в свою очередь, не является географическим пределом дальнейшего продвижения толстоклювой камышевки по бассейну Буреи.

Следует подчеркнуть, что гнездование толстоклювой камышевки в центральных районах нагорья оказывается возможным благодаря существованию здесь обширной Верхнебуреинской долины с её благоприятными экологическими условиями для гнездования некоторых видов открытых пространств, многие из которых проникают во внутренние районы нагорья по долине реки Буреи.

Толстоклювая камышевка, по-видимому, населяет местообитания исключительно вдоль русла Буреи и её притоков первого, реже второго порядка. Так, встречена она на реке Чегдомын – притоке первого порядка и не отмечена на реке Дубликан – притоке второго порядка, проникая на сопки, заросшие вторичными берёзово-лиственничными лесами по склонам южной экспозиции.

Даты регистрации первых поющих самцов при проведении ежедневных маршрутных учётов (апрель-май 2000, 2008-2014 годов) в окрестностях посёлка Чегдомын – 25 мая 2008 (Бисеров 2009) и 30 мая 2014 (Бисеров 2015). В другие годы пение их не регистрировалось, видимо, птицы появлялись на местах гнездования позже, после завершения учётных работ. Примечательно, что и на крайнем юге Приморского края самое раннее появление толстоклювых камышевок в разные годы также происходило в период с 26 по 30 мая, однако массовое появление их приходилось на более поздний срок – середину первой декады июня (Панов 1973). В то же время на равнинах среднего и нижнего Приамурья весенний пролёт толстоклювых камышевок везде укладывается в сроки с 18-20 мая до начала июня (Бабенко 2000).

Очевидно, сразу после прилёта толстоклювые камышевки занимают характерные для них гнездовые биотопы, так как все встреченные в районе Чегдомына самые ранние поющие самцы придерживались изреженных вторичных лиственнично-берёзовых лесов, опушечные части и подлесок которых представлен рододендром даурским *Rhododendron dauricum*, а в кустарничковом ярусе в основном доминирует рябинник рябинолистный *Sorbaria sorbifolia*. Травяной ярус таких лесов обычно достаточно развит и представлен обычно вейником Лангсдорфа *Calamagrostis langsdorfii*.

В посёлке Чегдомын на выровненном склоне сопки южной экспозиции в описанном выше типе местообитаний 24 июня 2010 отловлена самка толстоклювой камышевки, наседное пятно которой находилось в стадии спадающего отёка. У самца, отловленного 29 июня, клоакальный выступ был увеличен. У самки от 5 июля наседное пятно было влажное, сморщенное, с хорошо заметными кровеносными сосудами. У

самки, отловленной 30 июля 2010, кожа наседного пятна была сухая и слегка сморщенная.

В низкогорьях восточной окраины нагорья толстоклювая камышевка обычна во многих биотопах рек Горин и Амгунь, населяя их с плотностью от 0.6 до 11.0 ос./км² (Воронов 2000). На западной окраине по реке Селемдже она также обычна – от 0.5 до 7 ос./км² (Воронов 2000; Колбин 2008). На южной окраине нагорья в заповеднике «Бастак» эта птица населяет только равнинные участки, при этом она является обычным видом в большинстве биотопов, таких как лиственничники, мелколиственные леса, пойменные кустарниковые заросли, багульниково-сфагновые мари, осоковые болота и разнотравные луга, в которых плотность её населения варьирует в пределах 0.7-5.4 ос./км². Многочисленна она только в дубово-черноберёзовых лесах (от 2.2 до 35.4 ос./км²) и особенно на ерниковых марях, где плотность её населения колеблется от 12.5 до 120.0 ос./км² (Аверин 2007, 2012).

Плотность населения толстоклювой камышевки в районе посёлка Чегдомын в 2008 году – 2.8 ос./км², в 2014 – 0.1 ос./км². Как указывает В.Г.Бабенко (2000), в равнинных районах нижнего Приамурья в естественных местообитаниях плотность населения этого вида находится в пределах 0.2-7 пар/км², редко достигая 20 пар/км². В антропогенных ландшафтах плотность населения вида достигает 7.5 пар/км². В Среднем Приамурье С.М.Смиренский (цит. по: Бабенко 2000) для разных местообитаний указывает плотность населения от 2.7 до 171.1 ос./км². Важно подчеркнуть, что во всех рассмотренных равнинных районах Приамурья не указывается на проникновение толстоклювой камышевки на склоны предгорной части.

В целом центральные районы Буреинского нагорья отличаются наименьшей плотностью населения толстоклювой камышевки в пределах распространения вида в Приамурье.

Все толстоклювые камышевки, отловленные в июле у посёлка Чегдомын, были без признаков линьки. В среднем течении реки Дубликан 30 августа 1999 у единственной взрослой птицы, отловленной за весь летний период, было обношенное перо без признаков линьки (Бисеров, Медведева 2003). Возможно, взрослые птицы не линяют на северном пределе распространения вида.

По данным ряда авторов (Винтер 1979; Колбин и др. 1994), к западу и востоку от нагорья отлёт происходит со второй половины августа по начало сентября. В районе посёлка Чегдомын самая поздняя дата отлова толстоклювой камышевки – 30 июля 2010.

Л и т е р а т у р а

Аверин А.А. 2007. Птицы // *Позвоночные животные государственного заповедника «Бастак»*. Биробиджан: 24-55.

- Аверин А.А., Антонов А.И., Питтиус У. 2012. Класс Aves – Птицы // *Животный мир заповедника «Бастак»*. Благовещенск: 171-208.
- Антонов А.И. 2012. О распространении южных видов птиц в бассейне среднего течения реки Бурей // *Дальневосточный орнитол. журн.* **3**: 3-10.
- Бабенко В.Г. 2000. *Птицы Нижнего Приамурья*. М.: 1-724.
- Бисеров М.Ф. 1999. О видах – представителях китайского орнитокомплекса в верхнем течении р. Бурей // *Тр. заповедника «Буреинский»* **1**: 55-58.
- Бисеров М.Ф. 2007. Влияние антропогенных изменений на фауну и население птиц таёжных лесов Хингано-Буреинского нагорья // *Тр. заповедника «Буреинский»* **3**: 7-19.
- Бисеров М.Ф. 2009. Распространение некоторых видов птиц в верхнем течении р. Бурей // *3-и Дружининские чтения: комплексные исследования природной среды в бассейне реки Амур: материалы межрегион. науч. конф.* Хабаровск, **2**: 158-161.
- Бисеров М.Ф. 2015. Миграции птиц в 2014 г. // *Летопись природы Буреинского заповедника за 2014 г.* Чегдомын: 56.
- Бисеров М.Ф., Медведева Е.А. 2003. Материалы по орнитофауне Дубликанского заказника (центральная часть Буреинского хребта) // *Тр. заповедника «Буреинский»* **2**: 97-107.
- Винтер С.В. 1979. Славковые (Sylviidae) Буреинско-Хинганской низменности // *Миграции и экология птиц Сибири: Тез. докл. орнитол. конф.* Якутск: 73-75.
- Воронов Б.А. 2000. *Птицы в регионах нового освоения (на примере Северного Приамурья)*. Владивосток: 1-168.
- Колбин В.А. 2008. Население птиц Комсомольского и Норского заповедников // *Сб. статей к 10-летию Норского заповедника*. Благовещенск; Февральск: 106-133.
- Колбин В.А., Бабенко В.Г., Бачурин Г.Н. 1994. Птицы // *Позвоночные животные Комсомольского заповедника. Флора и фауна заповедников*. М., **57**: 13-42.
- Нечаев В.А., Гамова Т.В. 2009. *Птицы Дальнего Востока России*. Владивосток: 1-564.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Степанян Л.С. 1990. *Состав и распределение птиц фауны СССР*. М.: 1-746.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1777: 2530-2531

Массовая зимовка скворцов

Sturnus vulgaris в Баку

А.М.Алекперов

Второе издание. Первая публикация в 1954*

Зимовка скворцов *Sturnus vulgaris* на Апшеронском полуострове – явление вообще обычное. В это время года они скопляются на открытых бесснежных полях, перелетают небольшими стаями с одного участка на другой, добывая себе пищу. К вечеру они собираются на ночлег поближе к населённым пунктам – в сады и виноградники, а часть их прилетает в парки и бульвары, расположенные в Баку.

* Алекперов А.М. 1954. Массовая зимовка скворцов в Баку // *Природа* **43**, 7: 116.

Зимой 1950/51 года нам удалось наблюдать чрезвычайно интересное явление. В Баку слеталось всё больше и больше скворцов. К концу ноября их стало так много, что это привлекло всеобщее внимание. Бесчисленные стаи скворцов прилетали с севера и северо-востока полуострова и держались всю зиму в юго-западном секторе города, в основном на центральной улице.

Каждая прилетевшая стая в течение 30-40 мин, а иногда и более часа, кружилась высоко над зданиями, составляя сплошную ленту шириной до 100-200 м, и только с наступлением темноты птицы спускались в заросли плюща, который покрывал фасад зданий, и под его защитой устраивались на ночёвку. А с восходом солнца эти многотысячные стаи улетали на поля Апшерона для поисков пищи, откуда вечером снова возвращались, и так продолжалось в течение всей зимы.

По словам старожил, такого массового скопления скворцов в центральном районе города Баку за последние 50-60 лет не наблюдалось.

При полёте скворцы поднимали такой крик, что заглушали шум трамваев, троллейбусов и автомашин.

Когда выпал снег и подул сильный ветер, скворцам стало трудно добывать себе корм, они голодали. Не будучи в состоянии летать, скворцы падали на землю, многие из них замерзали. По сообщению профессора М.В.Бржезицкого, во время обмывания плюща на одном из зданий города, где отмечалось особенно большое скопление скворцов, трупы птиц, смываемые струёй воды, можно было собирать мешками.

25 марта 1951 все скворцы неожиданно покинули Баку. 26 марта оставались лишь единичные экземпляры, которые были заняты устройством гнёзд, а самцы уже пели. Оставшиеся скворцы, по-видимому, были оседлыми для Баку птицами.

Интересно отметить, что с появлением скворцов воробьи были вытеснены ими со своих мест.

В последующие 1952 и 1953 годы зимовок скворцов в центральном районе города Баку не наблюдалось. Это, по-видимому, объясняется тем, что зима в эти годы была сравнительно тёплой и маловетреной. Очевидно, сильные ветры и небывалые холода на Апшероне зимой 1950/51 года заставили скворцов искать убежища в более защищённых местах, возле стен домов большого города.

Степной дербник *Falco columbarius pallidus* в России

С.В.Корнев, В.В.Морозов

Сергей Викторович Корнев. ГАУ ДО «Оренбургский областной детско-юношеский многопрофильный центр». Ул. Восточная, д. 15, Оренбург, 460021, Россия. E-mail: s-kornev@mail.ru

Владимир Викторович Морозов. ФГБУ Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды (ВНИИЭкология), усадьба Знаменское-Садки, Москва, 117628, Россия. E-mail: piskulka@rambler.ru

Второе издание. Первая публикация в 2008*

Степной подвид дербника *Falco columbarius pallidus* (Sushkin, 1900) отчётливо выделяется по особенностям окраски и распространения. Это – эндемик России и Казахстана. Область его распространения в России охватывает степные и лесостепные пространства от Предуралья на восток до Алтая и от широты Омска на севере до предгорий Алтая на юге.

Сведения, касающиеся его гнездовой биологии в России, крайне скудны. Почти все известные гнездовые находки относятся к территории Казахстана (Корелов 1962; Брагин 2004). Что касается российской части ареала, то для неё единичные находки гнёзд степного дербника известны в заповеднике Аркаим на юге Челябинской области (Коровин 1997) и в окрестностях озера Маян на северо-востоке этой же области (Кузьмич 2005). Согласно сведениям первой половины XX века, степной дербник тогда гнезвился на юге Оренбургской области в бассейне Илека и в окрестностях Омска (Дементьев 1951). В настоящее время на Южном Урале он считается редким, спорадически гнездящимся видом (Давыгора 2003; Гапек 2006; Захаров 2006).

Нами сведения о распространении и гнездовании степного дербника получены в 1999-2007 годах во время работ на Южном Урале и юге Западной Сибири. Некоторые данные уже опубликованы (Калякин и др. 2000; Морозов, Корнев 2002, 2007). За этот период обнаружено 7 жилых гнёзд степного дербника, из которых 4 удалось осмотреть. До настоящего времени считалось, что в пределах Южного Урала он гнездится исключительно в степном Зауралье (Давыгора 2003). Наша последняя находка жилого гнезда в Акбулакском районе Оренбургской области позволила доказать, что, как и в прошлом (Дементьев 1951), область его гнездования распространяется и на Предуралье. Недавно также выяснено, что в Западной Сибири этот подвид проникает в зону подтаёжных лесов, где населяет болотные интразональные сообщества

* Корнев С.В., Морозов В.В. 2008. Степной дербник в России // *Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии*. Иваново: 253-257.

(Калякин и др. 2000). На Южном Урале мы находили гнёзда дербников по долинам мелких речек или у степных водохранилищ на юге Оренбургской области, в глубоких распадках у скалистых берегов реки Урал на стыке Оренбургской и Челябинской областей, в небольших колках нагорной степи Уральского пенеблена в степном Зауралье. На юге Западной Сибири один участок дербника выявлен в котловине озера Алабота в Омской области, также в нарушенном рельефе, но все другие места встреч и находки гнёзд имели место среди совершенно плоских участков, как, например, в Курумбельской степи на юге Омской и Новосибирской областей и на переходных болотах в Муромцевском районе Омской области. Примечательно, что в Курумбельской степи дербники явно придерживались окрестностей населённых пунктов, в которых было значительное число брошенных домов и много деревьев и кустарников, посаженных человеком.

Единственное, что объединяло столь разные в ландшафтном и экологическом отношении районы обитания степного дербника на Южном Урале и в Западной Сибири – это богатство населения мелких воробьиных птиц. Именно это во многом объясняет заселение степным дербником переходных болот подтаёжной полосы и явное тяготение его к посёлкам в абсолютно ровных ландшафтах Курумбельской степи. В этих местах много таких потенциальных жертв дербника, как черноголовый чекан *Saxicola torquata*, варакушка *Luscinia svecica*, полевой воробей *Passer montanus*, скворец *Sturnus vulgaris*, белая *Motacilla alba* и жёлтая *M. flava* трясогузки, бормотушка *Iduna caligata* и др.

Большинство обнаруженных нами гнёзд степного дербника располагалось в верхней части кроны тонких высоких деревьев в развилке центрального ствола. Из 7 жилых гнёзд на Южном Урале 4 были устроены на берёзах, 3 на тополях. Одна пара заняла гнездо сороки *Pica pica*, которое располагалось сбоку у ствола, другая – гнездо серой вороны *Corvus cornix* на низком кусте ивы в небольшой канавке посреди ровной и плоской злаковой степи в Черлакском районе Омской области. Расположение гнёзд на самой вершине является, вероятно, адаптацией подвида к высокому уровню фактора беспокойства и обеспечивает его большую безопасность. Это, пожалуй, и обуславливает гнездование на берёзах и тополях, структура крон которых соответствует данным требованиям. Гнёзд на земле мы не находили, однако не сомневаемся, что некоторые пары гнездятся в наземных условиях. Исходно степной дербник в основном гнезвился на земле, но вслед за появлением человека произошёл рост численности врановых, что резко увеличило «банк» гнездовых построек на деревьях, которые дербники успешно осваивали. Кроме того, создание лесополос в недавнем прошлом ещё более интенсифицировало этот процесс перехода к гнездованию на деревьях.

Величина кладки варьирует от 3 до 5 яиц, в Казахстане – от 2 до 6, но преимущественно 4-5 яиц (Корелов 1962; Брагин 2004). По 4 гнёздам средняя величина кладки составляла 3.25 яйца, по данным Е.А. Брагина (2004) для Казахстана – 4.0. Мы предполагаем, что средняя величина кладки у степного дербника ниже, по сравнению с северными подвидами, поскольку у степного дербника велика доля кладок с 3 яйцами – почти 30% по данным Е.А.Брагина (2004) и половина в осмотренных нами гнёздах. У этого подвида известны и полные кладки с 2 яйцами (Корелов 1962).

Сроки размножения степного дербника в целом в российской части ареала очень растянуты и относительно поздние. Наиболее рано они гнездятся на юге, в Оренбуржье, где одно гнездо с 5 весьма насиженными яйцами обнаружено 23 мая 2007 в Акбулакском районе, а в другом гнезде 30 мая 2006 в Домбаровском районе были 2 пуховых птенца и 1 яйцо. Несколько севернее, в предгорьях Урала, во второй половине мая дербники только заканчивали откладку яиц. На границе Оренбургской и Челябинской областей 15 мая 2006 мы осмотрели гнездо степного дербника с неполной кладкой из 2 яиц, а 19 мая 2007 нашли гнездо с почти ненасиженной кладкой из 3 яиц. На юге Западной Сибири начало гнездования приходится на ещё более позднее время, видимо, на конец мая – начало июня. В Курумбельской степи на юге Омской области 7-9 мая 2002 дербники держались на территориях у пустых гнёзд, аналогичная картина отмечена 2 июня 2000 на одном из болот Муромцевского района Омской области, где пара степных дербников беспокоилась у гнезда серой вороны на берёзе на высоте 5 м. Разница в сроках гнездования в разных регионах достигает 1-1.5 месяцев. Это соответствует фенологии размножения мелких воробьиных в южных степях и подтаёжных лесах, соответственно. Таким образом, сроки размножения дербников явно коррелируют со сроками вылета из гнёзд молодых особей видов-жертв и началу летних кочёвок воробьиных, которыми в основном питаются эти сокола. Чтобы подтвердить это предположение, необходимы специальные исследования.

В России численность степного дербника низкая, размещение гнездящихся пар неравномерное. Расстояния между участками может составлять десятки километров, ежегодная дисперсия взрослых птиц, видимо, значительна. При обследовании среднего течения реки Большой Кумак в 2006 году найдено одно гнездо, повторное обследование той же территории в 2007 году и дополнительный осмотр долины реки на протяжении почти 40 км не принёс положительных результатов (не встречено ни одной птицы), несмотря на наличие, как нам кажется, оптимальных условий для гнездования дербников. В степных предгорьях Зауралья регулярное обследование одних и тех же территорий, где обитали степные дербники, показало, что птицы привязаны к

участкам большой площади, но гнездятся в разные годы в местах, отстоящих друг от друга на несколько километров. Между тем, в Казахстане некоторыми исследователями отмечен высокий территориальный и гнездовой консерватизм у птиц степного подвида (Осмоловская 1949; Брагин 2004) Общую оценку численности подвида на территории России мы пока дать затрудняемся, но предполагаем, что на Южном Урале может гнездиться от 50 до 100 пар этого редкого сокола.

Низкая численность и локальность размещения гнездящихся пар степного дербника характерны и для территории Казахстана (Корелов 1962; Брагин 2004), то есть типично для подвида в целом. С нашей точки зрения, это обусловлено тем, что сочетание основных условий, необходимых для гнездования этих птиц (высокая плотность населения видов-жертв, наличие мест для устройства гнёзд – кустарники или небольшие группы и одиночные деревья, наличие в таких местах гнездовых построек других птиц) далеко не везде встречается. Таким образом, степной дербник – редкий подвид по естественным причинам. Следовательно, основная задача для его охраны – сохранение мест высокого богатства населения воробьиных птиц открытых и кустарниковых биотопов в пределах ареала. Но специальных мер охраны в виде включения в Красную книгу России пока не требуется, поскольку такие места ещё имеются в достаточном количестве и коммерческой ценности, в отличие от крупных соколов, степной дербник не имеет.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1777: 2535-2539

Белоголовый сип *Gyps fulvus* на Центральном Кавказе

В.П.Белик, В.А.Тельпов, Ю.Е.Комаров, Р.Х.Пшегусов

Второе издание. Первая публикация в 2008*

Белоголовый сип *Gyps fulvus* на Северном Кавказе распространён от Дагестана до Краснодарского края. Но если на Западном Кавказе его ареал изучен достаточно хорошо, а за многими крупными колониями ведётся длительный мониторинг, то Центральный и, особенно, Восточный Кавказ в этом плане до сих пор остаётся фактически «белым пятном». Во второй половине XX века на Центральном Кавказе был найден ряд гнездовых белоголового сипа: в верховьях Кубани и

* Белик В.П., Тельпов В.А., Комаров Ю.Е., Пшегусов Р.Х. 2008. Белоголовый сип *Gyps fulvus* на Центральном Кавказе // *Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии*. Иваново: 181-186.

Кумы, на Маринской куэсте и по Хасауту, а также на Баксане, Чегеме, Черееке, Ардоне, Гизельдоне и Терееке. Но, судя по распределению и численности охотящихся птиц (Белик 2004), популяция белоголового сипа в этом регионе должна быть значительно больше.

В летние сезоны 2004-2007 годов одним из авторов между Кубанью и Терееком было проведено фактически сплошное обследование куэсты и ущелий Скалистого хребта, на котором размещена основная часть северокавказских колоний сипа. Кроме того, были осмотрены некоторые фрагменты Бокового хребта в верховьях Кубани, Малки, Баксана, Чегема, Уруха и Ардона, отдельные участки Пастбищного хребта между Кубанью и Баксаном. Результаты этих исследований, а также материалы Ю.Е.Комарова по Северной Осетии, Р.Х.Пшегусова по Кабардино-Балкарии и В.А.Тельпова по Карачаево-Черкесии и Ставропольскому краю легли в основу нашего обзора. Некоторые сведения нам предоставили В.М.Поливанов и П.А.Тильба, которым мы выражаем свою признательность.

Работы в 2006-2007 годов проводились по программе КОТР на Северном Кавказе. Поиск гнездовой сипа и других редких видов велся целенаправленно, но уделять специальное внимание трудоёмким учётам гнёзд в колониях сипа мы не всегда имели возможность. Смежные поселения сипов, расстояние между которыми превышало их линейные размеры в 5 и более раз, условно рассматривались нами как отдельные колонии. Размещались они на высоте от 1000 до 2300, в основном – на 1300-2000 м н.у.м. Скальные стены с колониями были ориентированы преимущественно на юг – юго-восток – восток, что способствовало их лучшему обогреву в утренние часы. Лишь в узких каньонах, где скалы почти не освещаются солнцем, сипы гнездились и на стенах западной ориентации. Приурочены колонии главным образом к Скалистому хребту, значительно реже они встречались на Боковом (Передовом) и очень редко – на Пастбищном (Меловом) хребте.

На Пастбищном хребте найдена пока лишь одна колония – на песчаниковых скалах левого борта долины Баксана в устье реки Гунделен, где в мае 2007 года держалось не менее 3-6 пар. Детально колония не обследована. На отрогах Бокового хребта выявлены три колонии. Одна из них – в верховьях Кубани у посёлка Эльбрусский, где в 1980-е годы гнездились до 8 пар (Витович 1986). В июне 2007 года поблизости от этого места наблюдалось скопление из 5-6 птиц, но их гнездовой обнаружить не удалось. В верховьях реки Худес в 1979 году и в 1980-е годы гнездились 3-4 пары (Витович 1986; Варшавский, Шилов 1989). В 2007 году там на гранитных скалах были видны ниши с помётом, но осмотреть их мы не смогли. Ещё одно поселение на Боковом хребте найдено в августе 2006 года в верховьях реки Чегем у селения Эльтюбю, где 3-4 пары гнездились недалеко друг от друга в нишах

мощной, ориентированной на юг гранитной скалы в устье узкого ущелья реки Джылгысу – левого притока Чегема. Остальные колонии располагались на Скалистом хребте – на куэстах, а также в узких каньонах транзитных, пересекающих хребет крупных рек и по ущельям небольших рек на северных склонах хребта.

В Карачаево-Черкесии к востоку от Кубани на Скалистом хребте известно 13 колоний общим числом 50-70 пар: (1) На прикубанской куэсте у селения Хумара, где гнездование сипов отмечал ещё Н.Я. Динник (1886). В 1980-е годы, вероятно, эта же колония была описана О.А. Витовичем (1986), позже птиц наблюдал там В.А. Тельпов, но в 1998 году при обследовании всей Маринской куэсты колонии сипов нигде не были обнаружены (В.М. Поливанов, устн. сообщ.), а в 2006 году над селением Хумара у перевала к реке Джегута вновь гнездились 2-5 пар. (2) Колония на Маринской куэсте над селением Верхняя Мара найдена в 2005 году (17-20 пар), а в 2006 году там гнездились 7-12 пар. (3) В верховьях Кумы колония найдена в 1989 году (Тельпов и др. 1990), а в 2005 и 2006 годах там гнездились 10-15 и 8-12 пар. (4) В верховьях Подкумка колония сипов обнаружена в 2005 году (3-5 пар), а в 2006 году там были 4 пары. (5) В верховьях реки Аликоновка в окрестностях Кисловодска колония впервые обнаружена в 2005 году – не менее 15 пар в 3 поселениях. В 2006 году там учтено 10-14 пар, а в 2007 – 19-22 пары. (6-10) На куэстах по левобережью реки Хасаут известны 3 колонии – в самом верховье реки (над «Дачей»), в 3-4 км ниже (над селением Хасаут), и ещё в 5-6 км ниже (у серпантина автодороги). Ниже по течению Хасаута до устья реки Мушт на выходах скал в коротких боковых ущельях левых притоков располагались ещё 2 (возможно, 3) небольших поселения сипов. Всего здесь в прошлом гнездились до 25-32 пар (Акбаев 2000, 2001), но в 2006 году при специальном обследовании на всём Хасауте было учтено лишь 8-9 жилых гнёзд (П.А. Тильба, устн. сообщ.; наши данные). Ещё в 3 местах – по реке Эшкакон (2004 год), на реке Аликоновка у Медовых водопадов (2007 год), по реке Берёзовая (2006 год), возможно, также на реке Кичмалка ниже селения Кичи-Балык (2006 год) – тоже отмечались небольшие, очевидно, временные поселения сипов по 2-4 пары.

В начале XXI века в Карачаево-Черкесии было прослежено затухание мощных в прошлом гнездовых по Хасауту и одновременное появление нескольких новых колоний белоголового сипа: на Маринской куэсте, в верховьях Подкумка, на Аликоновке. Вполне вероятно, что здесь произошло массовое переселение птиц из холодных высокогорий ближе к Кисловодску и Карачаевску с их свалками, к тому же на более низкие и тёплые скалы, чем уменьшилось воздействие на кладки и птенцов неблагоприятных погодных факторов в ранневесенний период. Это переселение было обусловлено, очевидно, почти полным пре-

кращением в 1990-е годы летнего выпаса домашнего скота в Приэльбрусье, прежде всего на высокогорном плато Бечасын, служившем недавно основным кормовым полигоном для белоголовых сипов (Варшавский, Шилов 1989).

В Кабардино-Балкарии на Скалистом хребте известно 10 колоний общим числом 80-110 пар: на Малке в устье Хасаута (2007 год: 5-10 пар в 3 поселениях); на реке Гунделен чуть выше селения Гунделен (2007 год: 10-15 пар) и на реке Тызыл (верхний отрезок той же реки) у базы отдыха «Тызыл» (2007 год: 3-7 пар); на Баксане у селения Бедык (2007 год: не менее 5 пар), у селения Былым (2006-2007 годы: 20-25 и 18 пар) и в каньоне между ними (2004 год: 2-3 пары); на Чегеме в каньоне у водопадов (2007 год: 1-3 пары) и на куэсте перед входом в каньон (2006-2007 годы: 15-20 пар), где белоголовые сипы гнездились ещё в 1970-е годы (Варшавский, Шилов 1989); на Череке-Хуламском ниже селения Безенги (2006 год: 5-10 пар) и на Череке-Балкарском ниже селения Верхняя Балкария (2007 год: 16 пар).

В Северной Осетии известна одна колония из 2 поселений в ущелье реки Ардон против селения Зинцар, о которой упоминает А.Д.Липкович (1999) под названием Кионхохской колонии (2007 год: 15-16 пар), и найдена ещё одна колония в ущелье реки Урух против селения Задалеск (2007 год: 10-15 пар). Небольшую колонию в ущелье реки Гизельдон на Чыжджытыхохе (Липкович 1999) обнаружить в 2007 году не удалось; возможно, она осталась пропущена. Не обследована также колония на горе Араухох (но не Адай-Хох!) в Балтском ущелье Терека, о которой упоминал Л.Б.Бёме (1926) и где до 12 сипов постоянно держалось в июле-августе 1971, а также колония на куэсте у вершины горы Столовая (Липкович 1999). Но следует заметить, что сипы в таких условиях – на вершинах отдельных горных массивов и на столь большой высоте (более 2500 м н.у.м), по сути уже в альпийском поясе, – практически нигде на Кавказе не гнездятся. Поэтому не исключено, что здесь за колонию были приняты временные присады птиц.

Таким образом, сейчас на Центральном Кавказе выявлено до 30 колоний белоголового сипа общей численностью 150-210 пар. Но цифры эти, несомненно, занижены, поскольку они не включают неудачно гнездившихся птиц, покидающих к лету свои гнездовья. С учётом 150-160 пар, размножающихся сейчас на Западном Кавказе (Тильба, Мнацеканов 2006) и 100-120 пар из Дагестана (Джамирзоев, Ильях 1999), всего на Северном Кавказе обитает не менее 400-500 репродуктивных пар, что даже превышает те пределы (350-450 пар), что были рассчитаны нами ранее (Белик 2005).

Следует также отметить, что общее представление о размерах локальных популяций белоголового сипа (помимо очень трудоёмких поисков и обследования колоний, которые выявлены на Центральном

Кавказе, несомненно, ещё не все) могут дать обычные маршрутные учёты охотящихся птиц. Впервые такой расчёт был предпринят нами для Приэльбрусья в Кабардино-Балкарии (Белик 2004), затем была сделана попытка расчёта численности сипов для восточной части Карачаево-Черкесии (Белик, Тельпов, в печати), которая тоже показала близкое соответствие учётных и расчётных данных. Это же получается и при оценке численности белоголовых сипов в Северной Осетии. Здесь в июле-августе 2007 года на 154 км пешеходных маршрутов учтено 10 особей (кроме птиц у колоний), что в пересчёте на трансекту около 3 км шириной равняется 2.2 особи на 100 км², а в целом в высокогорьях Северной Осетии численность сипов может составлять около 60 особей или 30 пар, что подтверждается приведёнными выше данными о числе гнёзд в колониях на Урухе и Ардоне. А в Карачаево-Черкесии в августе 2005 года на 155 км маршрута было учтено 127 сипов (кроме птиц у колоний), в среднем – 27.3 ос./100 км², что составляет примерно 270 птиц на обследованном нами стационаре площадью 1000 км² на правом берегу Кубани. Всего же в известных там колониях гнездится не менее 50-70 пар, которые вместе с холостыми особями могли составлять эту локальную популяцию. Не исключено, однако, что здесь охотится и часть птиц из гнездовой популяции Западного Кавказа.

В целом наиболее высокое обилие сипов наблюдается в Карачаево-Черкесии, где ещё недавно на Скалистом и Пастбищном хребтах и на плато Бечасын располагались обширнейшие летние пастбища и содержалось огромное поголовье домашнего скота, сильно сократившееся в 1990-е годы. Довольно много сипов также в Кабардино-Балкарии (15.6 ос./100 км² – Белик 2004), где в прошлом в Приэльбрусье тоже были обширные пастбища и содержалось много скота. Сейчас в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии поголовье скота начало медленно восстанавливаться, и, вероятно, в связи с этим в последнее время появились признаки увеличения численности птиц-некрофагов. В Северной Осетии сипы наиболее редки, что обусловлено относительно малой площадью пастбищ на очень крутых склонах гор и в узкой Северо-Юрской депрессии. Кроме того, у осетин-христиан пастбищное скотоводство в горах не имеет особых традиций, и поэтому кормовая база для некрофагов развита там значительно слабее.

Проведённая инвентаризация гнездовой белоголового сипа на Центральном Кавказе позволяет теперь организовать сканирующий мониторинг всех колоний 2-3 группами исследователей в течение короткого времени, что даст возможность оценить реальную численность этого вида в регионе с высокой степенью достоверности.

